

Поэт, главный редактор литературно-публицистического журнала ["ШО"](#) (Украина).

Материалы в

Интернете:

[Статья в Википедии](#)

[Страница на сайте "Поэзия.Ру"](#)

[Страница в "Журнальном зале"](#)

[Блог в "Живом Журнале"](#)

Александр КАБАНОВ

ОБЛАКА ПОД ЗЕМЛЕЙ

(стихи 2005-2007 г.г.)

* * *

Во тьме виниловой - скрипит январский лед,
колени в ссадинах, бинты, зеленка, йод.
и музыка пехотного полка -
коньками поцарапана слегка.

И потому, в припеве о войне:
"умрем" - звучит отчетливо вполне,
и лишь слова: " отечество... тюрьма..."
виниловая сглатывает тьма.

Казалось бы - еще один повтор
и ты услышишь: "Камера! Мотор!"
Как будто там снимаются в кино -
оркестр и сводный хор из Люблино.

Брюхаты водородною тоской,
блуждают дирижабли над Москвой,
стукач берет жену на карандаш,
и мясорубка, и походный марш.

Солдат из фляги делает глоток,
на Патриарших - праздничный каток...
...нахлынет ветер с кровью и золой
и обожжет Неглинку под землей,

И выползет сигнальная звезда,
и мы увидим: здание суда,
прокуренные зубы мертвеца...
Мерцает и мерцает и, мерца...

* * *

Где кентавр-конокрад у цыганского табора -
заплутал в предрассветном дыму...
Кипарисовый лук и брошюры Анн-Арбора
прикипели к седлу моему.

Где кириллица сонно впадает в околицу,
а в дому, у любимой, темно.
И в подушке - куриное перышко колетя,
будто ангельское оно.

2041 Г.

На премьерe, в блокадном Нью-Йорке,
в свете грустной победы над злом -

черный Бродский сбегает с галёрки,
отбиваясь галерным веслом.

Он поет про гудзонские волны,
про княжну. (Про какую княжну?)
И облезлые воют валторны
на фанерную в дырках луну.

И ему подпевает, фальшивя,
в високосном последнем ряду,
однорукий фарфоровый Шива -
старший прапорщик из Катманду:
"У меня на ладони синица -
тяжелей рукояти клинка..."

...Будто это Гамзатову снится,
что летят журавли табака.
И багровые струи кумыса
переполнили жизнь до краев.

И ничейная бабочка смысла
заползает под сердце мое.

УКВ

Позабытый УКВ приемник,
в нем хрипит зарезанный наемник.
Длинный долгий ужин на траве...
...жалко, что приемник - УКВ.

На вечерней киевской газете
он лежит в расстегнутом жилете,
рядом сохнет листик чабреца,
луковое горе - два колечка,
соль, картошка, и смолкает речка -
перед тенью Гамлета-отца.

УКВ - плесканье волн коротких,
ямочка на женском подбородке,
водка, словно музыка в уме,
ветреное сало бутерброда,
карт перетасованных колода:
крест козырный, церковь на холме.

Точки и тире, читай: терновник,
до свиданья, маленький приемник,

старомодный гений хрипоты...
Будем жить, сверчкам кивать согласно
и макать в подсолнечное масло -
черствые кусочки темноты.

* * *

Ветчина или вечность укрылись под сенью укропа?
Не мякнет под острым прибором протухшая тайна,
знать, лишен злободневный вопрос - доброты.
Только сердце и жопа -
демонстрируют миру свои одинаковые очертанья!

Так похожи они. Смотришь дьявольский ящик и видишь:
от любви чуть двоясь, обращаются к нам сокровенно:
по-татарски - в степи, возле Мертвого моря - на идиш...,
в сонной Вене (кайфуй!) проникают в тебя внутривенно.

От наружной рекламы, до самых душевных записок,
на открытках они - то в белье, то стрелой пробиты...
Подневольная жопа когда-нибудь встанет с карачек,
вздрыгнет робкое сердце, тогда, - берегитесь, бандиты!

Мне собратья по цеху мясному, к примеру, Коровин и Быков -
надавали за рюмкой весьма ощутительных втыков:
дескать, лью не туда золотистого меда струю,
сердцеед, жополиз, и вообще: разговоры в строю!

Справедливо ли это? У истины нет - ни окопа,
ни тряпицы, прикрыть наготу, ни пророка отравленных уст,
чтоб в толпу прокричать: "Вот вам - сердце мое, вот вам - жопа!
Между ними - Цветков и Кенжеев, и Кафка, и Пруст!"

На попутных прокладках летит Одиссей к Пенелопе
и она заливает крутым кипятком доширак...
Вот и Родина где? Вроде, в сердце моем или в жопе?
Да, не сыщешь с огнем, не услышишь ответа никак.

УХА

Луковица огня, больше не режь меня,
больше не плачь меня и не бросай в Казань.
Ложкою не мешай, ложью не утешай,
память - мужского рода: чешется, как лишай.
Окунем нареки, вот мои плавники,
порванная губа, вспоротые стихи.

Вот надо мной проходят пьяные рыбаки.

Все на земле - мольба, дыр и, возможно, щыл.
Господи, Ты зачем комменты отключил?
Всех успокоит Сеть, соль и лавровый лист,
будет вода кипеть, будет костер искрист.
Будут сиять у ног - кости и шелуха...
Как говорил Ван Гог: "Все на земле - уха..."

* * *

Открывая амбарную книгу зимы,
снег заносит в нее скрупулезно:
ржавый плуг, потемневшие в холках - холмы,
и тебя, моя радость, по-слезно...

...пьяный в доску забор, от ворот поворот,
баню с видом на крымское утро.
Снег заносит: мычащий, не кормленный скот,
наше счастье и прочую утварь.

И на зов счетовода летят из углов -
топоры, плоскогубцы и клещи...
Снег заносит: кацапов, жидов и хохлов -
и другие не хитрые вещи.

Снег заносит, уснувшее в норах зверье,
след посланца с недоброю вестью.
И от вечного холода сердце мое
покрывается воском и шерстью.

Одинаковым почерком занесены
монастырь и нечистая сила,
будто все - не умрут, будто все - спасены,
а проснешься - исчезнут чернила.

* * *

Исчезли предметы и чувства пропали,
остались сплошные слова:
на желтой бумаге, в зеленом металле,
с пластмассовой цифрой 2.

И слово за слово, и словом по кругу,
и слову - уста не разжать.
А надобно всовывать что-то друг другу,

кого-то друг другу рожать.

Нацеливать стрелки, закручивать гайки;
о чем деревяшка поет?:
"Аральское море, оральные чайки,
суровый и дальний полет!"

А может быть, счастье - на память, на ощупь
пушистое, как мельхиор?
И пахнет спросонья лососевой рощей,
пиликает, словно прибор?

По капельке - свежий песок отмеряет
своей не счастливой родне.
А после уходит, сарай отворяет,
на медленном мокнет огне?

* * *

Проговоришь "часы" наоборот:
ысач в потемках шевелит усами,
ысач съедает с кровью бутерброд
и шлет e-mail Бин Ладену Усаме.

В ответ Бин Ладен шлет ему Биг-Бен -
подточенную вирусом открытку.
И дольше века длится этот дзен,
и динь-дилинь без права на ошибку.

Пружинка - украинская вдова,
рождественская в яблоках кукушка,
ысач глядит на нас во все слова,
и даже в цифрах прячется подслушка.

Так, проходя сквозь воздух ножевой,
нащупывая мостик через Лету,
мы встретимся под стрелкой часовой,
стреляя у бессмертья сигарету.

* * *

Пахнет жареной рыбой каирский песок,
устремив к небесам возбужденный сосок
пирамиды Хефрена, к которой
херсонесской акации листик присох,
фараон (полицейский) черкнет адресок

забегаловки с местной флорой.

В ресторане у Сфинкса - славянский галдеж,
если шишу не куришь и кофе не пьешь -
предлагают печеный картофель,
на округлой жаровне шкварчит маргарин,
от чего ты счастливый такой, бедуин,
и фальшивый, особенно - в профиль?

Бедуин по двугорбому бьет существу,
слово за слово - тянется год к Рождеству,
подгорает заката холстина...
Тычет вострой указкою экскурсовод:
у египетской мумии впалый живот
"и широкая грудь осетина".

Терракотовый зов водосточной трубы
и встают из подземных бараков рабы,
зеленеет смола эвкалипта,
и Амона - омоет песочный прибой...
И японских туристов восторженный рой
совершает исход из Египта.

* * *

И чужая скучна правота, и своя не тревожит, как прежде,
и внутри у нее провода в разноцветной и старой одежде.
Желтый провод - к песчаной косе, серебристый - к звезде над дорогой,
не жалея, перекусывай все, лишь - сиреневый провод не трогай.

Ты не трогай его потому, что поэзия - странное дело:
все, что надо - рассеяло тьму и на воздух от счастья взлетело.
То, что раньше болело у всех - превратилось в сплошную щекотку,
эвкалиптовый падает снег, заматавая навеки слободку.

Здравствуй, рваный, фуфаечный Крым, потерявший империю злую,
над сиреневым телом твоим я склонюсь и в висок поцелую.
Липнут клавиши, стынут слова, вот и музыка просит повтора:
Times New Roman, ребенок иа., серый волк за окном монитора.

* * *

Тихо, как на дне Титаника,
время - из морских узлов.
Деревенская ботаника:
сабельник, болиголов.

Подорожник в рыжей копоти,
добродушный зверобой -
ни предательства, ни похоти,
дождь и воздух кусковой.

Вот, в тельняшке кто-то движется,
улыбается в усы.
Все острее и ближе слышится
серебристый свист косы.

Мусульмане и католики,
православные и не...
Ждут нас розовые кролики,
с батарейками в спине!

* * *

Мы не спим, хоть и снегом засыпало
бормотание радио ра-
дует в спину предчувствие выбора,
ветерок отставного добра.

Круглый стол, самогонное варево,
помидоров моченых бока.
Разговаривай, жизнь, разговаривай,
на допросе у смерти. Пока

покрываются кашицей вязкою
казино и витрины аптек,
у роддома дежурит с повязкою
комендантский, опущенный век.

Эти ружья, тычинки и пестики
с двух сторон привозного кино.
На погосте - чернильные крестики,
под которыми - нолики, но...

Пахнут все же не шконкой, а школою
маринованные огурцы:
...этот класс, эти бедра тяжелые
из Херсона учительницы.

* * *

Облака под землей - это корни кустов и деревьев:
кучевые - акация, перистые - алыча,

грозовые - терновник, в котором Григорий Отрепьев,
и от слез у него путеводная меркнет свеча.

Облака под землей - это к ним возвращаются люди,
возвращается дождь и пустынные глазницы его.
Спят медведки в берлогах своих,
спят личинки в разбитой посуде,
засыпает Господь, больше нет у меня ничего...

Пусть сермяжная смерть - отгрызает свою пуповину,
пахнет паленой водкой рассохшийся палеолит.
Мой ночной мотылек пролетает сквозь синюю глину,
сквозь горящую нефть и, нетронутый, дальше летит!

Не глазей на меня, перламутровый череп сатира,
не зови за собой искупаться в парной чернозем.
Облака под землей - это горькие корни аира...
...и гуляют кроты под слепым и холодным дождем.

Мы свободны во всем, потому что во всем виноваты,
мы - не хлеб для червей, не вино - для речного песка.
И для нас рок-н-рол - это солнечный отблеск лопаты
и волшебное пенье подвыпившего рыбака.

КУРЕНИЕ ДЖА

Что-то потрескивает в папиросной бумаге:
как самосад с примесью конопли,
как самосуд в память о Кара-Даге,
и, затаившись, смотришь на корабли.

Вечер позолотил краешек старой марли,
и сквозь нее проступают: мачты, мечты, слова -
складываются в молитву, в музыку Боба Марли,
в бритву, в покрытые пеной - крымские острова.

Мокрые валуны правильными кругами
расходятся от тебя, брошенного навсегда.
Но, кто-то целует в шею и обхватывает ногами
и ты выдыхаешь красный осколок льда.

* * *

Больно надо, надо больно -
потерпи немного.
Вот и жил поэт от Бога

и до Бога.

Вот и жил поэт светло и алкогольно,
повторяя: больно надо, надо больно.

{jacomment off}

Подборка, опубликованная на сайте "Сетевая словесность".